

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.6>

Катцина Татьяна Анатольевна, Мезит Людмила Эдгаровна

[Борьба с преступностью несовершеннолетних в Енисейской губернии в 1920-е гг.](#)

Целью статьи является выявление особенностей организации советских исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в годы нэпа. Исследуются причины роста детской преступности в сибирском регионе в период новой экономической политики и меры борьбы с нею. Научная новизна заключается в том, что впервые на основе не изученных ранее архивных материалов исследуется региональный опыт борьбы с преступностью несовершеннолетних. Полученные результаты показали, что создание новой системы исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в исследуемый период не было завершено, усилиями государственных органов искоренить детскую преступность не удалось.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/6.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 30-34. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. Сводка с фронта (из опыта работы Бауманского райштаба легкой кавалерии): материал к X Бауманской райконференции ВЛКСМ. М.: Издание Бауманского Дома ВЛКСМ, 1929. 29 с.
15. Слезин А. А. «Легкая кавалерия» комсомола на рубеже 1920-х – 1930-х гг. // Вопросы истории. 2017. № 12. С. 36–46.
16. Тинькова Н. К. Работа молодежи Карелии в группах и отрядах «Легкой кавалерии» (1928–1937 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1979. С. 71–77.
17. Уэльсон В. Легкая кавалерия в действии // Смена. 1929. № 6. С. 10–11.
18. Юкон Е. Легкая кавалерия. Л.: Прибой, 1929. 80 с.
19. XV съезд ВКП(б) о молодежи и задачах комсомола. М.: Мол. гвардия, 1928. 49 с.

First Raids of the “Light Cavalry”

Ippolitov Vladimir Aleksandrovich, PhD
Slezin Anatolii Anatol'evich, Dr
Tambov State Technical University
vladimir.ippolitov@mail.ru; anatoly.slezin@yandex.ru

The paper identifies specificity of activity of the Komsomol “light cavalry” at the end of the 1920s paying special attention to the regional aspect. Scientific originality of the study lies in the fact that the authors try to answer the question whether the provisions declared by the supreme Komsomol bodies represented the actual state of affairs. Previously unknown archival documents are introduced into scientific circulation. The research findings are as follows: the authors show that in the last years of New Economic Policy, the “light cavalry” had a controversial impact on the society, but the “cavalrymen” definitely aspired to develop its creative potential.

Key words and phrases: public administration; social control; youth; Komsomol; New Economic Policy; “light cavalry”; wall newspapers.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.6>

Дата поступления рукописи: 10.08.2020

Целью статьи является выявление особенностей организации советских исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в годы нэпа. Исследуются причины роста детской преступности в сибирском регионе в период новой экономической политики и меры борьбы с нею. Научная новизна заключается в том, что впервые на основе не изученных ранее архивных материалов исследуется региональный опыт борьбы с преступностью несовершеннолетних. Полученные результаты показали, что создание новой системы исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в исследуемый период не было завершено, усилиями государственных органов искоренить детскую преступность не удалось.

Ключевые слова и фразы: новая экономическая политика; детская преступность; комиссии по делам несовершеннолетних; исправительные учреждения.

Катцина Татьяна Анатольевна, к. ист. н., доц.
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
katsina@list.ru

Мезит Людмила Эдгаровна, к. ист. н., доц.
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
mezit@yandex.ru

Борьба с преступностью несовершеннолетних в Енисейской губернии в 1920-е гг.

Актуальность и научная значимость темы исследования определены тем, что региональный опыт реализации государственной политики по борьбе с преступностью несовершеннолетних в 1920-е годы представляет несомненный интерес для определения особенностей и основных противоречий в протекционистских практиках работы с несовершеннолетними правонарушителями, т.к. в функционирующей в настоящее время системе ювенальной юстиции тоже сделан акцент на приоритете мер исправительного воздействия на подростков, восстановительном правосудии. Идет поиск сбалансированного подхода к решению дилеммы обеспечения общественной безопасности и защиты прав ребенка, поэтому исследование опыта прошлого имеет *практическую значимость*.

Изучение степени научной разработки проблемы показало, что вопросы государственной политики по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, при наличии большого объема публикаций, изучены недостаточно. Данная тема не становилась предметом специального исследования историков.

Теоретическая база. Книга советского ученого-юриста Г. Ю. Маннса – пионерное региональное исследование [16]. С его точки зрения, Сибирь была слабее обеспечена учреждениями правовой охраны детства, чем остальные части РСФСР, что сказалось на высоком уровне преступности среди несовершеннолетних. Е. Н. Афанасова [1], Т. А. Катцина, Л. Е. Мариненко [12] в своих работах сосредоточили внимание на региональных практиках выявления беспризорных детей, условиях формирования и функционирования предназначенной им сети учреждений интернатного типа. Эволюция пенитенциарной системы советского государства в отношении несовершеннолетних в 1920-е гг. представлена в работах А. А. Ашина [2], В. И. Новик [17]. Авторы дают общее представление о системе исправительных учреждений и принципах их работы с подростками, не поддающимися мерам педагогического воспитательного воздействия.

Для реализации поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**: определить причины и характер преступности несовершеннолетних в регионе; проанализировать своеобразие процесса создания и развития исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в исследуемый период; исследовать эффективность проводившихся мероприятий для искоренения детской преступности в Енисейской губернии.

Методы исследования. В основе исследования лежит полидисциплинарный подход, сочетающий проблемно-хронологический метод, критический подход к историческим источникам.

Из-за финансовых трудностей, кадровых проблем сеть вновь создаваемых исправительных учреждений в регионе формировалась медленно, условия жизни в них были тяжелыми для воспитанников, и поэтому существенного сокращения преступлений, совершенных несовершеннолетними, не произошло. Положительный дореволюционный опыт преодоления девиаций несовершеннолетних был отвергнут, а исключительно патерналистская роль государства оказалась ошибочной.

Детская преступность была острой проблемой послереволюционной России. Ряды уличных правонарушителей пополнялись за счет сирот, родители которых погибли в годы гражданской войны, в период неурожая. Анализ статистических данных по Енисейской губернии за 1920-1923 гг., характеризующих тяжкие общественно опасные деяния, совершенные подростками, свидетельствует о нестабильной криминогенной ситуации (Табл. 1).

Таблица 1. Структура преступности несовершеннолетних и ее динамика в Енисейской губернии (1920-1923 гг.) [7, д. 83, л. 51]

Наименование правонарушения	1920 г.			1921 г.			1922 г.			1923 г.		
	Общее число дел	Число дел данного наименования	%	Общее число дел	Число дел данного наименования	%	Общее число дел	Число дел данного наименования	%	Общее число дел	Число дел данного наименования	%
Кража	295	232	79,0	458	314	68,0	423	297	70,0	197	140	71,0
Убийство и нанесение ран и побоев		11	3,1		22	4,8		29	6,5		4	2,0
Изнасилование		2	1,7		6	1,3		9	2,1		2	1,0
Против власти		7	2,3		13	3,0		11	2,6		13	6,5
Хулиганство		6	2,2		14	3,1		14	3,4		3	1,4
Прочие		37	12,5		89	19,8		64	18,4		35	18,0

Согласно материалам таблицы, в структуре подростковой преступности на первое место выходили кражи (около 70% и более). Рост преступности, зарегистрированной Енисейской губернской комиссией по делам несовершеннолетних, наблюдался в 1921-1922 гг. Увеличение в абсолютных числах преступлений против собственности можно объяснить наплывом в регион тысяч осиротевших и беспризорных детей из охваченных массовым голодом районов (Урал, Поволжье, некоторые губернии Центрального Черноземья), пик которого пришелся на 1921-1922 гг.

В сибирских условиях жизнь беспризорных детей – это жестокая борьба за выживание. Профессиональные преступники используют их в своих целях, утверждая в их среде порядки, принятые в преступном мире. Больные и слабые дети ставятся в этой среде в разряд «отверженных» [15, с. 17-18].

Г. Ю. Маннс, анализируя отчет Управления местами заключения НКВД за 1921 г., привел следующие показатели процентного отношения осужденных несовершеннолетних к общему числу заключенных: в целом по РСФСР – 1,1%, в Московской и Петроградской губерниях – 7,9% и 4,4% соответственно, в Сибири – 0,5%. В последующие годы криминогенная ситуация в Сибири значительно обострилась [16, с. 21].

Противоправная деятельность в большинстве случаев была связана с беспризорностью. Проституция, мошенничество, воровство, попрошайничество были способом выживания и часто определяли судьбу беспризорников. Многие дети стали объектом насилия и торговли, вовлекались в преступную среду. Большой процент преступности давали воспитанники детских домов. Из-за тяжелых условий проживания, недоедания дети из детских домов совершали кражи (до 40% воспитанников в 1926 г.), и их дела попадали в комиссию по делам несовершеннолетних [8, д. 10, л. 3].

В крупных сибирских городах развивалась детская проституция, связанная с другими формами девиантного поведения (алкоголизмом, наркоманией) и определенными фоновыми явлениями (венерическими болезнями). Проститутки не только употребляли наркотики, но и занимались их распространением [18]. В разврат втягивалось значительное число беспризорных и безнадзорных девочек. Угроза смерти от истощения вынуждала сотни девушек и девочек торговать своим телом.

Профессор С. В. Познышев, чьи идеи оказали влияние на развитие отечественного правоведения и отечественной юридической психологии, писал о том, что ни одно преступление нельзя объяснить только внешними причинами, обязательно проявляются особенности личности преступника. При выборе тех или иных мер, которые должны быть приняты в отношении преступного поведения, необходимо считаться с типами беспризорных и преступных подростков. «Излишне распространяться о значении и необходимости организации сортировочно-распределительного пункта, так как достаточно взглянуть на классификацию детей-правонарушителей, выработанную на практике, чтобы убедиться, насколько разнообразные по своему психофизическому состоянию встречаются несовершеннолетние обвиняемые, а именно: 1) правонарушители вследствие: а) пылкого воображения (фантасты), б) сильного развития эмоций (типы эмоциональные), в) слабой воли, г) по случайным обстоятельствам (например, шалости); 2) дефективные: а) морально, б) умственно; 3) нервноболезные: а) истерики, б) психостеники; 4) душевнобольные» [19, с. 33-34].

Согласно Постановлению СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях», в отношении лиц 14-18 лет выдвигались преимущественно меры медико-педагогического характера, т.к. идея презумпции невиновности несовершеннолетних была основной в работе с детскими преступниками.

Проанализировав решения региональных комиссий по делам несовершеннолетних в 1920-е гг., отмечаем, что преобладали меры медико-педагогического характера, реже дела передавались в суд. В 1922 г. Енисейской губернской комиссией по делам несовершеннолетних в Красноярске было разобрано 346 дел (понятно, что самих случаев было больше) о 387 несовершеннолетних, из указанного числа дел 101 (около 30%) передано в народный суд [5, д. 110, л. 12].

Окружной суд ежегодно заслушивал на своих пленумах отчеты о работе комиссий по делам несовершеннолетних (Комонес). В 1928 г. Красноярский окружной суд установил, что Комонес за 1927 г. рассмотрела 339 дел несовершеннолетних правонарушителей, а также, что в соответствии с действующим законодательством, комиссия принимала преимущественно меры педагогическо-воспитательного характера (беседы, передача под присмотр родителей, помещение морально-дефективных детей в интернат, детский дом или их трудоустройство). Количество дел, переданных в народный суд за год, составило 9 (13 ребят) [6, д. 116, л. 21 – 23 об.].

В условиях постоянного изменения законодательства в отношении несовершеннолетних правонарушителей на протяжении всего исследуемого периода происходило изменение сети исправительно-воспитательных учреждений для них. В развернутой докладной записке одного народного судьи Енисейской губернской комиссии по делам несовершеннолетних отмечены случаи нахождения несовершеннолетних правонарушителей в тюрьмах и камерах предварительного заключения, что являлось нарушением законодательства. В ноябре 1920 г., когда писалась записка, в Красноярске еще не были открыты приемные, наблюдательно-распределительные пункты и лечебно-воспитательные учреждения, а существующий интернат для морально-дефективных детей представлял собой «воровской вертеп». В записке отмечалось, что большинство своих решений комиссия принимает наугад, а местные органы власти проявляют индифферентное отношение к ее запросам [9, д. 29, л. 10].

Прежде чем несовершеннолетний попадал в любое детское учреждение, он помещался в пропускной пункт, куда его доставляли социальные инспекторы, сотрудники милиции или равнодушные граждане.

В Красноярске первый детский приемно-распределительный пункт на 50 человек начал работу только в 1921 г. [4, д. 468, л. 138 – 138 об.]. В 1926 г. пропускные и приемные пункты были объединены в одно учреждение – приемно-распределительный пункт, где беспризорные дети и подростки должны были получить квалифицированную медицинскую помощь, образование. Здесь же их готовили к переводу в стационарные учреждения, устраивали на производство или помогали найти родных и вернуться в семью.

Сеть учреждений для исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей развивалась в двух направлениях.

Во-первых, это закрытые учреждения для трудных подростков интернатского типа со строгим педагогическим режимом, обязательной школьной учебой и обучением профессии.

Во-вторых, создавались трудовые дома в городах и колонии в сельской местности, имевшие воспитательно-карательный характер. В начале 1920-х гг. по инициативе Ф. Э. Дзержинского получил развитие такой тип учреждений для несовершеннолетних преступников, как трудкоммуны ОГПУ. Они строились как учреждения открытого типа на началах сознательной дисциплины и широкого самоуправления. В них правонарушители-рецидивисты приобретали профессии, приобщались к коллективному труду индустриального типа [14, с. 96].

В 1921 г. в Енисейской губернии для несовершеннолетних правонарушителей действовали: в Красноярске – интернат для морально-дефективных мальчиков, в котором содержались 11 детей в возрасте 12-18 лет, работали 11 человек обслуживающего персонала; Ачинский интернат морально-дефективных детей, где содержалось 19 человек в возрасте 8-16 лет и 20 человек обслуживающего персонала; один сортировочно-распределительный пункт в здании Красноярского интерната морально-дефективных детей, в котором содержались три человека; изолятор для морально-дефективных детей в Минусинском уезде на 185 человек в возрасте 8-16 лет [7, д. 83, л. 20 – 21 об.].

К 1926 г. сеть исправительных учреждений для несовершеннолетних изменилась следующим образом: в Ачинске была открыта колония для несовершеннолетних правонарушителей, в регионе действовали четыре приемника-распределителя, два приемных пункта, четыре интерната для морально-дефективных детей [13, с. 110].

Основным недостатком данных исправительных учреждений были слабые материальная база и финансирование. Новые учреждения, создававшиеся с нуля, нередко располагались в приспособленных помещениях с низкой общей вместимостью без необходимого инвентаря, не было налажено снабжение продовольствием. Проблемы с финансированием приводили к частой смене штата врачей и воспитателей. Неразвитость сети детских учреждений подрывала работу комиссий, поскольку не было инструментов перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей [9, д. 29, л. 8 об.].

Дети потребляли низкокалорийные, однообразные, часто просроченные продукты питания, нередко имели только по одной паре нательного и постельного белья, в некоторых детдомах у воспитанников совсем отсутствовали верхняя одежда и обувь. Часто дети проживали в неосвещаемых, холодных, неотапливаемых помещениях с выбитыми стеклами [10].

Согласно Постановлению СНК от 4 марта 1920 г. Наркомюст приступил к организации особых исправительно-воспитательных учреждений, которые получили название «Трудовые дома для юношей, лишенных свободы» (сокращенно «труддом»). В сущности, трудовые дома представляли собой реформатории, заменяющие, как известно, тюрьмы, а потому, как все места лишения свободы, находились в ведении Народного комиссариата внутренних дел. В 1923 г. трудовые дома для несовершеннолетних существовали в Москве, около Пушкино, в Саратове, Иркутске, Харькове, Киеве и Казани [3]. В 1926 г. трудовой дом на 130-150 мест был открыт в Томском округе [11]. Однако мест в этих учреждениях было явно недостаточно при тех объемах беспризорности и преступности несовершеннолетних, которые наблюдались в Сибири. В Енисейской губернии подобных учреждений в исследуемый период не было.

К началу 1928 г. в местах заключения Сибирского края находились 884 несовершеннолетних преступника. Из них по социальному происхождению: детей крестьян – 523, рабочих – 164, прочих – 197. Абсолютное большинство (74,4%) было приговорено к лишению свободы на срок до двух лет [20]. К этому времени происходит отказ государства от использования различных методов педагогического воздействия на беспризорного ребенка и попыток реализовать идею перехода к всеобщему государственному воспитанию детей. Беспризорность рассматривается как преступность, а всё большее число беспризорников помещается в общие места заключения и в труддома для несовершеннолетних правонарушителей. С середины 1930-х гг. все основные полномочия по борьбе с беспризорностью передаются НКВД.

Выводы. Таким образом, несмотря на систематическую работу государственных учреждений, общественных организаций губернии по выяснению причин детской преступности в 1920-е гг., добиться ее искоренения не удалось. Малограмотность исполнителей указаний центральной власти, многообразие мнений по поводу причин преступности несовершеннолетних вели к несогласованности практической деятельности на местах по борьбе с правонарушениями подростков. Ограниченность финансовых средств и кадров не позволила оперативно создать систему исправительных учреждений, отвечающую потребностям региона, соответствующую действующему законодательству, наладить применение профилактических мер по борьбе с подростковыми правонарушениями.

Список источников

1. **Афанасова Е. Н.** История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920-1930-х гг.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Иркутск, 2007. 25 с.
2. **Ашин А. А.** Воспитательная колония: история и современность. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2008. 428 с.
3. **Василевский Л. М.** Детская «преступность» и детский суд. Тверь: Октябрь, 1923. 156 с.
4. **Государственный архив Красноярского края (ГАКК).** Ф. П-7. Оп. 1.
5. **ГАКК.** Ф. Р-12. Оп. 1.
6. **ГАКК.** Ф. Р-44. Оп. 1.
7. **ГАКК.** Ф. Р-93. Оп. 1.
8. **ГАКК.** Ф. Р-137. Оп. 1.
9. **ГАКК.** Ф. Р-188. Оп. 1.
10. **Дети-преступники** // Красноярский рабочий. 1920. 19 февраля.
11. **Историческая энциклопедия Сибири** [Электронный ресурс]: в 3-х т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. URL: <http://www.letopisi54.ru/upload/userfiles/3c8/3c8376c4cd16498e5270d52b9e9bcd16.pdf> (дата обращения: 25.08.2020).
12. **Катцина Т. А., Мариненко Л. Е.** Смена модели и практик решения детской беспризорности в первой четверти XX в. (по материалам Енисейской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 9-19.
13. **Колокольникова З. У., Подлесная Н. В.** Учреждения социального воспитания для морально-дефективных детей в Приенисейской Сибири в 20-30-е года XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 10 (3). С. 108-113.
14. **Кривонос А. Н.** Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92-98.
15. **Люткин А. А.** Преступность в Сибирском крае // Статистический бюллетень Сибирского краевого статистического управления. 1926. № 3. Март-апрель. С. 17-18.
16. **Маннс Г. Ю.** Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае. Иркутск: Издание Иркутского университета, 1927. 34 с.
17. **Новик В. И.** Становление и организация пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в России [Электронный ресурс]. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=3848&id=15> (дата обращения: 12.03.2020).

18. Панин С. Е. «Продажная любовь» в советской России (1920-е годы) [Электронный ресурс] // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78-108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodazhnaya-lyubov-v-sovetskoj-rossii-1920-e-gody> (дата обращения: 31.01.2019).
19. Познышев С. В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М.: Новая Москва, 1926. 136 с.
20. Юмина А. Н. Ненужные дети России [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/nenuzhnye-deti-rossii> (дата обращения: 14.04.2020).

Struggle against Juvenile Delinquency in Yeniseysk Province in the 1920s

Kattsina Tatyana Anatolievna, PhD
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
kattsina@list.ru

Mezit Ludmila Edgarovna, PhD
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
mezit@yandex.ru

The paper aims to identify specificity of organizing juvenile correctional institutions in Soviet Russia in the years of New Economic Policy. The authors examine causes of increasing juvenile delinquency in the Siberian region in the period of New Economic Policy and describe preventive measures that were taken by the state bodies. Scientific originality of the study lies in the fact that relying on previously unpublished archival materials, the authors analyse regional experience in struggle against juvenile delinquency. The conducted research allows concluding that the juvenile correctional system was not formed during that period, efforts of the state bodies to eliminate juvenile delinquency turned out to be inefficient.

Key words and phrases: New Economic Policy; juvenile delinquency; commissions on juvenile affairs; correctional institutions.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.7>

Дата поступления рукописи: 13.05.2020

Цель исследования – доказать эффективность воздействия детских и молодежных организаций 1920-х гг. на формирование новой политической идентичности крестьянства юго-запада Центра России. **Научная новизна** работы заключается в обращении к процессу смены крестьянской идентичности с традиционной на новую политическую идентичность с помощью различных форм массовой работы в деревне и выявлении удачных проектов воздействия на крестьянство изучаемого региона. **В результате** показано, что среди форм массового охвата крестьянства региона политической агитацией в 1920-е гг. наиболее удачной было привлечение пионерских и комсомольских организаций, что способствовало продвижению новой политической идентичности из города в деревню и от молодежи к старшим поколениям селян.

Ключевые слова и фразы: крестьянство юго-запада Центра России; политическая идентичность; политическая лояльность; активизм; детские и молодежные организации.

Мищенко Татьяна Александровна, к. ист. н., доц.
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
mtapost@yandex.ru

Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне юго-запада Центра России

В 1920-е годы традиционное восприятие крестьянства себя через привычные связи: православной веры, подданства царю, неизменности места проживания и труда на земле, – оказалось более невозможным. Все устойчивые связи и интеракции, подтверждающие идентичность крестьянина, подвергались ломке и поиску новых смыслов. **Актуальным** представляется обращение к изучению опыта создания «новой политической идентичности» для сельского жителя российской глубинки через влияние на молодое поколение, провозглашаемое властью как наиболее перспективное в деле становления «советского человека».

В исследовании конкретизируется ряд **задач**:

1. Артикулировать проблему изменения идентичности сельских жителей через утрату одних элементов и появление новых.
2. Проследить влияние «конфликта поколений» в крестьянской среде и маргинальных проявлений у молодежи на поколенческий динамизм смены идентичности.
3. Охарактеризовать появление различных детских и молодежных организаций в регионе исследования в 1920-е гг.
4. Определить пути влияния пионеров, комсомольцев и «синеблюзников» на формирование политической идентичности крестьянства.

Поставленные задачи позволяет реализовать следующая группа **методов**:

- нарративный анализ – сбор фактов, воспоминаний, повествований, относящихся к предмету исследования;